

ЕЛЕНА ПЛАТЦЕВА

# Полуночь



РАССКАЗ

16+

# Елена Платцева

## Полуночь

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=66350320](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66350320)*

*SelfPub; 2021*

### **Аннотация**

Долго длится тёмный час перед рассветом. Не каждый пленник высокотехнологичной тюрьмы дождётся утра.

# Елена Платцева

## Полуночь

Когда я родился, меня назвали Шесть-нольдва.

Нет, моя мать не была узницей концлагеря, отнюдь. Просто в том далёком двадцать первом веке, веке развития высоких технологий, такое имя оказалось актуально. Именно столько времени высветилось на электронном девайсе медсестры, когда сморщенное красное тельце вышло на свет. Эти цифры записали в голубой метрике. Тогда женщине, давшей мне жизнь, пришла в голову отличная идея. Она сказала: "Эй, Джон! Так ещё никого никогда не называли!"

К слову, Джон не был её мужем, он был забавным приложением, развлекавшим родильницу между кормлениями младенца.

И – да, историю мама знала плохо...

Папу звали просто – Петей. Он не смог возразить жене, как ни опасался, что другие дети станут дразнить его сына. Родители зарегистрировали ребёнка по всем правилам и вдруг попали, как говорили тогда, в тренд. Оригинальное решение, случайно услышанное и так же принятое другими, стало штампом. Когда я пошёл в школу, половину моих сверстников звали цифрами: в честь даты свадьбы родителей, дня рождения бабушки или лучшего времени для завтрака. Я знал одного мальчика, которого отец, директор ра-

диорынка, поименовал самым настоящим артикулом. Того мальчика никто не дразнил. Равно как и меня. На первой же серьезной работе даже гордо величали по имени-отчеству: Шесть-нольдва Петрович... Хотя моя история совсем не об этом.

Я согласился на глобальный эксперимент. К тому времени мне исполнился пятьдесят один год (хорошее было бы имя для первенца), побывал в других странах и в космосе (пришлось копить несколько лет – космический туризм стоил недёшево) и был открыт любому новому опыту. Тогда-то сердце и начало пошаливать. Напомнил о себе наследственный недуг, прежде сгубивший моего отца. Я был в бешенстве. Все достижения тогдашней науки и медицины, грандиозные прорывы в сфере нанотехнологий оказались бессильны помочь одному среднему человеку среднего возраста со средним достатком спасти свою жизнь. Как приземлённо бы то ни звучало, я просто не хотел умирать. Но ради жизни пришлось пойти на нечто гораздо худшее, чем смерть.

Наша киноиндустрия на заре своего становления готовила человечество к технологическому чуду, которое мне довелось испытать на собственной шкуре. Узкая криокамера, нечеловеческий холод, постепенно заполняющий каждую клеточку тела, темнота... Я плохо разбирался в технических тонкостях процесса и наивно рассчитывал заснуть на сотню-другую лет, как герой дешёвого блокбастера. Радужные сны об идеальной вселенной полнили бы мой разум. По про-

шествии нескольких веков я очнулся бы сильнее и здоровее себя прежнего, смахнул суровую мужскую слезу радости и просветления и зажил бы дальше спокойной и уверенной средней жизнью среднего человека, пережившего невероятное приключение, но почти ничего не запомнившего. Но я не уснул.

Первые несколько дней я всё ждал, когда сознание отключится, пытался спать или внушал себе, что сплю. Однако происходящее не было ни радужным, ни сном. Сквозь стенки криокамеры, закованной в глухой деревянный короб, иногда проникал далёкий неясный шум лаборатории, граничившей со «складом». Спустя несколько месяцев я прозвал «склад» «склепом».

Участников эксперимента было несколько – не больше десятка. Постоянное незримое присутствие других ободряло и давало надежду: возможно, хотя бы у одного из нас, невольных пленников своего авантюризма, получится показать, что мы всё ещё здесь, в сознании, проживаем каждый день не за счастливый миг, как было обещано, но за долгую-долгую полярную ночь.

Не пересказать мыслей и чувств, поперебывавших в моей голове в эти дни и месяцы, сложившиеся в годы. Я никогда не слыл религиозным: родители не приучили Верить в детстве, я не Верил ни в юности, ни во взрослой жизни (с моим-то именем!). Тем не менее, в течение этой затянувшейся вечности отчаяния, иногда я взывал к Нему, иногда

– к Ним, иногда – ко всем силам вселенной вместе взятым, ангелам и демонам, способным слышать. Никто не приходил на помощь. Я провинился перед Космосом или самой даже Смертью, нарушив естественный ход вещей. Не согласись я на эксперимент – мог прожить пусть не долгую, пусть не очень счастливую, но Жизнь. Мог бы побывать в Гималаях и на Камчатке (раньше всегда считал путешествия дикарём пустой тратой времени, но тогда – руки и ноги отдал бы, чтобы увидеть заснеженные горные вершины и окунуться в горячие источники), мог бы отказаться от бранных благ цивилизации и поселиться жить в глуши или завести семью... Кто знает, как сложилась бы судьба, не поставь я угловатую подпись (будь она проклята!) в контракте подопытного кролика.

По ощущениям прошло не одно столетие, когда, наконец, случилось Событие. Похожую на транс задумчивость прервали звуки достаточно громкие, чтобы быть услышанными: скрежет и стук. Не в лаборатории, здесь, в нашем «склепе». Если бы только моё тело не заспиртовали как препарированную лягушку, сердце остановилось бы от волнения. Без сомнения, это были люди. Люди, вскрывающие коробки криокамер.

Сказать, что я научился за годы терпению – ничего не сказать. Исключительно благодаря ему я продолжал смиренно ждать своей участи. Над моими товарищами по несчастью открывались крышки их высокотехнологичных гробов. Шум

мог бы оказаться банальной перестановкой в лаборатории, но нам «повезло». Именно «повезло», в кавычках, потому что выпускать пленников на свободу не собирались. Нас решили сделать музейными экспонатами. Эко ли не диво: живые человеки в неживом обличье!

Только теперь, по первости ослепленный в своем гигантском голубом аквариуме белым светом медицинской лампы, я понял, что веки мои во всё это время были подняты, я хотя бы ВИДЕЛ!

Потом я узнал, что с тех пор как первую партию отчаянных добровольцев законсервировали в стеклянно-металлических банках, эксперимент разрастался, набирая обороты. Подопытных стало несколько десятков, под сотню. И насколько эксперимент был грандиозным, настолько же грандиозным был и провал. Из этой сотни большая половина (в том числе и все те, что подписывали контракт в один со мною далёкий солнечный день) были мертвы. Я научился читать по губам много позже, но легко догадался по оживившемуся лицу хорошенькой лаборантки, что она сказала:

– Этот живой!

Не берусь судить, кто был тогда счастливее: я, обреченный продолжать псевдосуществование бесконечно долго, или те, по кому эта юная девочка в белом халате украдкой пустила досадливую слезу, негожую званию научного сотрудника.

После долгих лет одиночества просторный виварий казался огромной галактикой, ограниченной лишь белыми стена-

ми. Я быстро запомнил планет-ученых и их спутников-лаборантов. Люди приходили и уходили, а я наблюдал, жадно скармливая изголодавшемуся разуму любую пищу для размышлений. Так я выяснил, что не провёл в криокамере даже жалкого столетия (женщина-профессор со всегда строгим лицом поместила как-то в поле моего зрения газету). Во внешнем мире отшумела затяжная Третья мировая война, последствия которой непоправимо изменили родную планету (это уже – надписи на роботах и на футболках лаборантов, а еще – капелька дедукции). Контакты с инопланетными существами больше не считались из ряда вон выходящими (я сам стал пассивным участником видеоконференции с подозрительно-зелёным человечком).

Из всех участников эксперимента в лаборатории остался я один. Молоденькой лаборантке, той самой, что однажды вскрыла мой саркофаг, удалось убедить остальных остановиться на моей кандидатуре. На выяснение этих подробностей понадобился не один месяц наблюдений, но я никуда не спешил.

Отличием, выделившим именно меня из ряда других выживших, разъехавшихся по музеям естественных наук, было моё спасение от безумия – открытые глаза. Полуночи (а именно так звали девушку) померещился разум в стеклянном взгляде. Конечно, по этому пункту её никто не стал слушать, но среди других подопытных выбрали, всё же, оригинала. Толстый профессор в круглых очках, научный руко-



водитель Полуночи, долго водил громоздким прибором по стенкам моей криокамеры и не обнаружил ничего выдающегося. О, как же я его ненавидел!

Спустя несколько лет профессор умер.

В наш научно-исследовательский институт приглашались группы студентов-практикантов, и Полуночь проводила для них обзорные экскурсии с обязательным посещением замороженного человека. Непостижимым образом девушка чувствовала: мне это нравилось. А что студенты? Снимали меня на свои четырёхмерные камеры, иногда фотографировались сами на фоне чуда научной мысли и шли дальше, ни на секунду не переменяясь в лице.

Полуночь отличалась ото всех. Мы общались.

Как-то под вечер она закрылась в виварии и долго безудержно плакала. Мне не было дела до её девичьих переживаний, но я поглощал любую информацию. Лишь бы занять мысли.

Когда рыдания поутихли, взгляд Полуночи встретился с моим мёртвым взглядом. Она приблизилась, с опухшим от слез лицом и мокрыми ресницами, долго смотрела на меня, а потом заговорила.

Как оказалось, в тот день погибли в автокатастрофе её родители.

Я сделался постоянным собеседником маленькой лаборантки, переросшей с годами из младшего научного сотрудника в серьёзного учёного с большим амбициями, но скром-

ным финансированием. Я стал скелетом в её шкафу. Те, кто случайно слышал о нашем общении, крутили пальцем у виска, а Полуночь плевать на них хотела. Я знал о ней всё. Я даже первым узнал о её беременности, а уже потом – муж.

Декретный отпуск Полуночи дался мне непросто. Впервые тоска по кому-то приносила почти физическую ломку. Она вышла на работу спустя четыре месяца и шесть дней после родов, с изменившейся причёской и маленькой дочкой в робо-слинге. Не было в тот день экспоната меня счастливее.

Материнство изменило Полуночь, но не изменило её отношения ко мне. Сокровенным, самым глубоким секретом, которым она поделилась, стала увядшая любовь к Тому (на тот момент мода на имена-цифры прошла, мужу Полуночи посчастливилось стать просто Томом). Он обращал мало внимания на ребёнка и того меньше – на его мать. Полуночь ездила гулять с дочкой в парк по выходным, мечтала показать ей мир и читала книги (самые настоящие, на бумаге! Где только достала?). Том погружался всё глубже в мир видеоигр. Банальная история, вот только Полуночь больше не была мне безразлична. Рождение второго ребёнка усугубило ситуацию, Том пристрастился к галлюциногенам (безопасным для здоровья, если не считать усиливающуюся зависимость). Полуночь разрывалась между работой, домом с маленькими детьми и мужем-наркоманом, а я, обновлённый теперешний я, никак не мог взять в толк: почему Том, имея симпатичную, умную и такую живую Полуночь рядом, пред-

почитает ей нездоровое забытьё? Как много недоступного мне упускал он! Я предавался грёзам о путешествиях с Полуночью и её девочками, о жарких ночах страсти и завтраках, что готовил бы на всю семью, поднимаясь до рассвета. Только мечты мне и оставались.

Брак Полуночи не выдержал рождения третьей дочери. С Томом было покончено. Я ликовал как сумасшедший, прекрасно понимая, что их развод ничего не меняет. Стенки криокамеры держали понадёжнее любой тюрьмы.

Полуночь незаметно перестала быть юной девушкой, в тёмных волосах проглянула седина... Я твёрдо знал, что люблю её.

Том полностью самоустранился от участия в жизни бывшей семьи, не помогал растить детей. Тем больше было Полуночи принять известие о смерти средней дочери. Кроме застывшего полутрупа ей не с кем оказалось разделить горе. Лиза каталась на велосипеде и попала под грузовик. Снова, как в день смерти родителей, Полуночь рыдала в застенке лаборатории, давно ставшей её лабораторией, с её подчиненными и её научными проектами.

Проплакав всю ночь, она взяла себя в руки и занялась организацией похорон. Я не видел Полуночь несколько дней подряд, ожидая её появления с нарастающей тревогой.

Она вернулась осунувшаяся и постаревшая. Только работа, напряженная и всепоглощающая, могла её исцелить.

Вечером Полуночь больше часа простояла в молчании на-

против моей криокамеры. Показания технических приборов и даже собственный профессиональный взгляд шли в разрез с тем, что все эти годы чувствовало её сердце: я здесь.

Полуночь была малодушна, ища забвения в рискованном предприятии, одном только способном сейчас её увлечь, но я благодарен ей за это малодушие.

Она изучила мою медицинскую карту от и до. Технология шагала семимильными шагами, а наука корчилась в муках, издыхая. Традиции предков были забыты, при новом же порядке здоровое население не было экономически-выгодно. Ничто по-прежнему не могло излечить моё сердце.

Полуночь понимала, что разморозка убьёт пациента. Когда соответствующие исследования завершатся и прояснятся окончательно: болезнь неизлечима, моё тело не перенесет повторного консервирования. Именно это внушал ей коллега по цеху, знававший еще того старого профессора в круглых очках. Полуночь была упряма и, вопреки любым логическим доводам, продолжала верить себе. Ей это было нужно! Тогда другой коллега мягко намекнул: ворошить забытый проект нежелательно, мол, большая смертность участников может выплыть в массовые круги, и многим не сносить головы. Но Полуночь уже готовила операцию для извлечения подопытного из криокамеры. Те дни слились в моей памяти в один ком волнения и страха. Я не боялся умереть на столе, я боялся, что что-то или кто-то собьет Полуночь с намеченного курса, что она передумает или умрёт са-

ма, а я так и останусь в заточении. Я не переставал любить её, но, как и сама она, я был малодушен.

Впервые за много-много-много лет я побывал в беспмятстве. Когда всё началось, сознание просто отключилось, свет погас, и меня затянуло в невесомую пустоту. Спустя время я открыл глаза. Снова закрыл. И открыл.

– Полночь?

Невероятно. Я впервые слышал её голос, видел её возбужденное раскрасневшееся лицо так близко. Бог знает, что она говорила, слух восстановился полностью не сразу.

Полночь оказалась права во всем – это доказало первое сказанное мной слово. Но нам обоим предстояло преодолеть неловкость. Я знал о ней всё, она обо мне – ничего, только сухие факты биографии и то, что *я знаю*. Последовал тяжёлый период реабилитации, тело медленно оживало. Какая ерунда! Меньше всего нас заботил мышечный тонус.

Врачи отмерили мне один год жизни, два – с натяжкой. О, этого было вполне достаточно! Я познакомился лично с её детьми, побывал у неё дома, держал её руку в своей руке и пил с ней чай, сидя на её балконе (кофе медики мне не рекомендовали). О большем счастье я не мечтал.

Полночь взяла на работе длительный отпуск (раньше она не отлучалась из лаборатории надолго), и мы, прихватив с собой девочек, поехали в путешествие. Побывали на Байкале, недавно восстановленном после химического заражения, поднялись почти на самую вершину Эльбруса и – да, я ку-

пался в термальных источниках на Камчатских сопках.

Сегодня с памятного дня извлечения из криокамеры минуло шесть лет. Сердце иногда беспокоит, и я знаю, что неизлечим. Я могу не проснуться утром, могу не дожить до вечера, но я всё ещё счастлив! Когда Маша, наша младшая дочка, получала диплом о высшем образовании, мы с Полуночью не могли сдержать слез и были счастливы! Когда Кира, старшая, рожала сына, мы места себе не находили от беспокойства, но были счастливы взять нашего первого внука на руки и, Господи, как мы были горды...

Когда Полуночь серьёзно заболела и лежала в больнице, навестить её пришёл Том, бывший муж. Я хотел ударить его, но только с искренней улыбкой пожелал ему хорошего дня, а ещё – быть счастливым, таким, какими счастливыми стали мы.

Я не уверовал в конкретного Бога, но уверовал в Высшие силы, что послали мне моего Ангела. Я до сих пор не могу поверить, что среди толп учёных и студентов нашёлся единственный человек, посмотревший на меня. Не на приборы, отображающие физические характеристики, не на забавный сюжет, годный для фэйсбука, но на меня! А ещё – не могу поверить, что мне так несказанно повезло, и этот человек пошёл до конца. Возможно, на мое столетнее заключение была воля Всевышнего, возможно, Ему вовсе нет до меня дела, но я убеждён: ни один другой человек в прошлом, настоящем или будущем не...